

ДВОЙНАЯ ИГРА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕМБЕРЛЕНА И ЕЁ ПРОВАЛ

А. Некрич

Англо-американские империалисты, готовя третью мировую войну, усиленно занимаются идеологической обработкой общественного мнения народов. Стремясь замаскировать подготовку к борьбе за мировое господство англо-американского империализма, они обращаются к недавнему прошлому, пытаются доказать, что накануне второй мировой войны правящие круги США, Англии и Франции вели борьбу за мир. Обелить себя в прошлом, полагают англо-американские империалисты, это значит оправдать свои нынешние действия. Посредством беззащитной фальсификации исторических фактов они хотят снять с правящих кругов США, Англии и Франции ответственность за подготовку и развязывание второй мировой войны, переложить эту ответственность на Советский Союз.

Искажение исторической правды проводится различными способами и методами. Публикуются сборники тенденциозно, фальсификаторски подобранных документов, наподобие издания государственного департамента США «Советско-нацистские отношения 1939—1941»; появляется серия мемуаров обанкротившихся французских политиков и генералов вроде Бонне, Рейно, Франсуа-Понсе, Гамелена; с шумом рекламируются лживые воспоминания поджигателя войны У. Черчилля, написанные в тоне безудержного самовосхваления. В помощь «свидетельствам» очевидцев печатаются обширные исследования буржуазных историков, порою весьма тонко, как это делают Немир и Уиллер Беннет, фальсифицирующих исторические события. Англо-американские клеветники используют также трибуну Организации Объединённых Наций с целью оболгать мирную политику Советского Союза.

Совсем недавно вышла в свет «История лейбористской партии с 1914 г.». Автор её Кольт пытается всячески выгородить, оправдать вопреки фактам поведение лидеров английской лейбористской партии и тред-юнионов в мюнхенский и послемюнхенский периоды.

Другая диверсия была предпринята бывшим гитлеровским дипломатом, советником германского посольства в Берлине накануне войны, Эрихом Кордтом, тем самым Кордтом, который летом 1939 г. вёл тайные переговоры с членами английского кабинета о заключении англо-германского союза. Книга эта вышла по американской лицензии в американской зоне оккупации Германии. В своей работе, посвящённой внешней политике Германии, Кордт ни словом не обмолвился о тайных переговорах с Англией, участником которых был он сам. Фальсификация истории посредством замалчивания важнейших исторических событий является ныне одним из самых характерных приёмов буржуазной историографии.

Против фальсификации истории во всех её видах призваны бороться советские историки, обладающие верным и надёжным компасом марксизма-ленинизма, который помогает дать им правильное истолкование исторических событий. Одна из важнейших задач, стоящих перед советскими историками, — освещение роли британского империализма в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Главной целью английской внешней политики накануне второй мировой войны было создание агрессивного блока империалистических го-

сударств против страны социализма. Во исполнение этого замысла британские империалисты взяли курс на поощрение агрессивных планов Гитлера, захватившего власть в 1933 г. с их благословения и с их помощью. Правящие круги Англии рассматривали германский фашизм как передовой отряд международной реакции для борьбы с Советским Союзом и демократическим движением в других странах.

«Английский капитализм, — указывал товарищ Сталин, — всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций... английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества»¹.

Правительство консерваторов, стоявшее у власти в Англии накануне второй мировой войны, пользуясь поддержкой лейбористских лидеров, осуществляло сотрудничество с фашистскими агрессорами. Это сотрудничество прикрывалось «пацифистской» фразеологией, декларациями об обеспечении мира. Когда речь шла о том, чтобы уничтожить нарождающуюся демократию в Испании, это сотрудничество именовалось «невмешательством в испанские дела»; когда готовился мюнхенский сговор с целью открыть фашистской Германии путь на Восток посредством выдачи ей Чехословацкой республики, этот сговор с фашизмом был представлен как «обеспечение прав немецкого населения Судетской области»; когда Чемберлен совершил свою последнюю поездку в Берхтесгаден, где окончательно было решено расчленение Чехословакии, английским народным массам этот шаг был изображён как усилие отстоять мир.

Смысл этой предательской политики «невмешательства» и «умиротворения» был разоблачён товарищем Сталиным: «Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение её в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить своё чёрное дело, не мешать, скажем, Японии вступить в войну с Китаем, а ещё лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, вступить в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»².

Дело не ограничивалось простым сотрудничеством английских империалистов с гитлеровской Германией. Английское правительство предпринимало неоднократные попытки заключить с Гитлером соглашение широкого политического и экономического порядка в обмен на гарантию целостности Британской империи и направления германской агрессии в сторону Советского Союза. Эти попытки стали особенно настойчивыми после мюнхенского сговора (миссия Пироу, переговоры Шахта с Норманом, поездка в Берлин Эптон-Гваткина, Дюссельдорфское соглашение). Для характеристики целей и методов внешней политики британского империализма наибольший интерес в этом смысле представляют англо-германские секретные переговоры летом 1939 г., происходившие параллельно с англо-советскими переговорами о заключении пакта о взаимопомощи.

Двойная игра кабинета Чемберлена была разоблачена в Исторической справке Совинформбюро «Фальсификаторы истории». «Затевая переговоры с Советским Союзом, — говорится в этом документе, — и давая гарантии Польше, Румынии и некоторым другим государствам, Англия и Франция при поддержке правящих кругов США вели двойную

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 324.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 570—571. 11-е изд.

игру, рассчитанную на соглашение с гитлеровской Германией с целью направления её агрессии на Восток, против Советского Союза»³.

Венцом реакционной, антисоветской политики и сговора с агрессорами накануне второй мировой войны явилась чудовищная мюнхенская сделка о выдаче Чехословакии Гитлеру. Через несколько месяцев, 15 марта 1939 г., гитлеровские войска оккупировали Чехословакию.

Захват Чехословакии и последовавшая вслед за тем аннексия Клайпеды (22 марта), заключение кабального германо-румынского хозяйственного договора (23 марта) изменили военно-политическую обстановку в Европе и приблизили войну. Гитлеровцы не скрывали, что ближайшим объектом их агрессии будет Польша. Ещё 24 октября 1938 г. Риббентроп потребовал от Польши передать Германии Данциг и предъявил ей ряд других претензий. В результате антинародной политики правящей клики Польши, отторгнувшей в октябре 1938 г. у Чехословакии Тешинскую Силезию, Польша оказалась в полукольце германских армий. Безнаказанность гитлеровской агрессии в Чехословакии укрепила положение правящих фашистских групп в Венгрии и Болгарии и усилила влияние прогитлеровских элементов в других странах Юго-Восточной и Восточной Европы.

Единственной силой, способной противостоять гитлеровской агрессии, оставалась наша Родина, великий Советский Союз, ни на минуту не прекращавший борьбы за организацию коллективного отпора агрессорам.

За пять дней до захвата Чехословакии, 10 марта 1939 г., вождь советского государства И. В. Сталин предупредил правящие круги империалистических государств об опасных последствиях их политики поощрения агрессии: «Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьёзным провалом»⁴.

Пособничество англо-французских правящих классов гитлеровской агрессии в Чехословакии вызвало глубокое негодование среди демократической общественности мира.

Лондонский кабинет, вынужденный делать вид, что он считается с мнением английского народа, в связи со слухами, что следующей жертвой гитлеровской агрессии явится Румыния, обратился 18 марта через своего посла в Москве Сиидса к советскому правительству с вопросом, какую позицию займёт Советский Союз в случае нападения агрессора на Румынию. Народный комиссар иностранных дел, обещав немедленно сообщить о точке зрения советского правительства, в свою очередь спросил Сиидса относительно английской позиции по этому вопросу. Посол уклонился от ответа, указав при этом, что географически Румыния расположена ближе к Советскому Союзу.

Утром 19 марта советский посол в Лондоне передал министру иностранных дел Галифаксу предложение советского правительства созвать конференцию представителей наиболее заинтересованных держав — Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и Советского Союза.

20 марта последовал ответ английского правительства. Оно отклонило советское предложение как «преждевременное» и предложило ограничиться декларацией четырёх держав (Англии, Франции, СССР, Польши) против агрессии. Хотя правительство СССР считало, что такая декларация не может быть эффективным средством предотвращения дальнейшей агрессии, оно приняло это предложение. Однако, ссылаясь на отказ правителей панской Польши присоединиться к декларации, английское правительство 1 апреля сообщило советскому правительству, что вопрос о декларации отпал...

³ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 38. Огиз. Госполитиздат. 1948.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 572.

Смысл этой игры станет понятным, если мы обратимся к новому манёвру британского кабинета, известному под названием «политики гарантий». «Политика гарантий» должна была завуалировать политику сговора английских империалистов с Гитлером, причём «гарантии» должны были служить разменной монетой в торге английского империализма с германским, рассчитанном на соглашение с гитлеровской Германией с целью направления её агрессии на восток, против Советского Союза.

Этот новый манёвр должен был «скрыть от общественного мнения народов действительный характер проводимого политического курса»⁵. 31 марта 1939 г. Чемберлен выступил с декларацией о гарантиях для Польши. Выступление это, в течение многих дней рекламировавшееся английской буржуазной прессой как «решительный поворот», было полно всяких недомолвок и оговорок, показывавших, что речь в действительности шла об очередном ходе в двойной игре. В основной части этой столь шумевшей декларации указывалось, что английское правительство придёт на помощь Польше в случае явной угрозы независимости Польши «и в том случае, если польское правительство будет считать подобные действия угрожающими национальным интересам страны и будет готово оказать сопротивление своими собственными силами»⁶.

Это выступление, конечно, несколько не испугало гитлеровцев. Германское информационное бюро насмешливо заявило, что выступление Чемберлена, повидимому, имеет целью заставить малые страны поверить, будто Англия готова действовать. Однако «за последние месяцы демократические державы слишком хорошо показали, чего стоят их слова и жесты протеста». Что касается Гитлера, то, выступая 1 апреля в Вильгельмсгафене по случаю спуска линкора «Тирпиц», он пригрозил порвать англо-германский морской договор и ответить на угрозу «окружения» силой.

Не прошло буквально суток после торжественного заявления Чемберлена, как лондонский «Таймс», орган англо-американских миллиардеров Асторов, заявил: «Историческое значение вчерашней декларации английского правительства состоит в том, что оно обязывает Великобританию настаивать на справедливых и свободных переговорах. Новое обязательство, взятое вчера на себя Англией, не обязывает её защищать каждый дюйм нынешних границ Польши»⁷. Английское правительство не сочло нужным опровергнуть это заявление, фактически аннулировавшее торжественную декларацию, сделанную накануне Чемберленом. Последний для успокоения широкой публики выступил 3 апреля в палате общин с новой речью, в которой подтвердил декларацию от 31 марта. Но и это заявление сопровождалось утверждением английского премьера, что германские заверения насчёт Чехословакии, данные в сентябре 1938 г., были искренними⁸.

Выступление «Таймс» было немедленно подхвачено такими влиятельными консервативными газетами, как «Дейли мейл» и «Дейли экспресс». Последняя прямо заявляла, что «англичане не хотят воевать ни за Данциг, ни за Польский коридор»⁹, и настаивала на ускорении переговоров между Варшавой и Берлином.

Английская дипломатия хотела и впредь идти по испытанному пути мюнхенской политики, предлагая Польше договориться с Германией относительно Данцига и Польского коридора. Новое пособничество агрессорам уже в тот момент было столь явным, что обозреватель «Юманите» Габ-

⁵ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 37.

⁶ «Times» от 1 апреля 1939 года.

⁷ Там же.

⁸ См. там же, от 3 апреля 1939 года.

⁹ «Daily Express» от 7 апреля 1939 года.

риель Пери писал, что весь вопрос сводится к следующему: «Хотят ли спасти мир или спасти фашизм?»¹⁰.

4 апреля в Лондон прибыл польский министр иностранных дел полковник Бек. Самонадеянный и недалёковидный пилсудчик, мнивший себя чуть ли не Талейраном, Бек был типичным представителем правящей польской фашистской верхушки. Осью своей политики он выставлял «сохранение равновесия» между Германией и Советским Союзом, с явным тяготением в сторону первой. На деле эта политика «равновесия» была политикой сообщничества с Берлином. Правители панской Польши рассчитывали на то, что германская агрессия минует Польшу и через Австрию, Чехословакию и Румынию направится на Украину. Поэтому вплоть до конца марта 1939 г. они активно помогали гитлеровской агрессии. Реакционные польские круги в Тешине оказывали помощь Генлейну, Сидор получал субсидии из Варшавы. Агенты польской разведки в Румынии находились в тесном контакте с Кодреану, руководителем «Железной гвардии». Они поддерживали также ревизионистов в Венгрии. Бековская дипломатия подтверждала на каждом шагу, что политика Польши составляла важный элемент, способствовавший реализации германских планов агрессии в Восточной Европе.

Продолжая свою игру уже совместно с Бекком, Чемберлен объявил 6 апреля в палате общин, что польский министр иностранных дел обещал оказать Англии помощь на тех же условиях, что и Англия Польше. Заявление, составленное совместно с Бекком, носило весьма умеренный характер.

Агрессоры не преминули сделать свои выводы из этой бумажной угрозы. Уверенная в своей безнаказанности, Италия вторглась 7 апреля в Албанию. Англия реагировала на этот акт «энергичным протестом», оценку которого дал на следующий день в своём дневнике итальянский министр иностранных дел Чиано: «Помимо всего ясно, что британские протесты сделаны больше для домашнего потребления, нежели для чего-нибудь другого»¹¹.

Однако после этих событий нельзя было уже так просто отмахнуться от всё более настойчивого требования широких слоёв английского народа, чтобы был положен конец фашистской агрессии. Вот почему Чемберлен объявил в палате общин, что английское правительство решило предоставить гарантии Греции и Румынии на тех же условиях, на которых была дана гарантия Польше¹².

Система гарантий, ограниченных определёнными странами, на деле означала поощрение фашистской агрессии и представляла собой отказ от создания безопасности странам, которым гарантия не была дана. Система «гарантий» была на деле новой формой политики «умиротворения» агрессоров. В этой политике выразилось стремление дать агрессию желаемое для Англии направление. Она целиком отвечала антисоветским устремлениям кабинета Чемберлена — Саймона — Галлифакса.

Политика всемерного потворства агрессорам особенно выпукло выразилась в поведении правительства Чемберлена после того, как под давлением обстоятельств оно должно было объявить о введении всеобщей воинской повинности (26 апреля). Этот акт произвёл, конечно, серьёзное впечатление в Германии, но правительство Чемберлена, верное своим мюнхенским «традициям», поспешило успокоить гитлеровцев демонстративным возвращением в Берлин своего посла Невилля Гендерсона, который был «вызван для консультации» после захвата Чехословакии (возвращение посла предполагалось не ранее 25 мая).

¹⁰ «L'Humanité» от 8 апреля 1939 года.

¹¹ Cianò Diaries. 1939—1943, p. 64. New York. 1946.

¹² «Parliamentary debates. House of Commons». Vol. 346, col. 13.

Ради чего так спешно вернулся 23 апреля британский посол в Берлин? Гендерсон должен был поскорее встретиться с Риббентропом и заверить его, что «политика гарантий» и введение в Англии воинской повинности ни в коей мере не направлены против Германии.

Гитлеровские руководящие круги при таком благорасположении к себе британского кабинета не стеснялись ни в выражениях, ни в действиях. Рупор Геббельса Рудольф Кирхер писал в тоне явного торжества: «Англия, а за нею Франция волей-неволей возвращаются к мюнхенской политике умиротворения»¹³. Разумеется, гитлеровцы прекрасно понимали, что английское правительство и не думало отходить от мюнхенской политики и что «новая» английская политика была лишь её новой фазой. Риббентроп, со своей стороны, не спешил встретиться с британским послом. Его держали, так сказать, в передней в течение нескольких дней под тем предлогом, что министру «некогда», ибо он занят приёмом венгерских гостей. Наконец 26 апреля Гендерсон был принят помощником Риббентропа — статс-секретарём министерства иностранных дел Вейцзекером.

От имени английского правительства Гендерсон заверил своего собеседника, что последние меры, принятые Англией, не направлены против Германии. С подчеркнутой холодностью и бесперемежностью Вейцзекер ответил, что немцы будут судить о британском правительстве по его делам, а не по словам¹⁴.

Пронесённая Гитлером 27 апреля речь представляла собой образец ответа агрессора на методы заискивания и упрощения, которые применялись английским правительством. Гитлер объявил о денонсировании германо-польского пакта о ненападении 1934 г. и англо-германского морского договора 1935 г., потребовал возвращения Данцига и установления экстерриториального коридора через польскую территорию, а также немедленного возвращения бывших германских колоний.

Тем не менее правительство Чемберлена продолжало потакать провокационным действиям и выступлениям фашистских агрессоров. Чемберлен заявил 8 мая в палате общин, что «английское правительство будет приветствовать всякое подлюбовное разрешение» спорных вопросов между Германией и Польшей¹⁵. Парламентский секретарь министерства иностранных дел Батлер выразился ещё яснее, заявив, что английское правительство готово выступить посредником в германо-польском споре¹⁶. Со своей стороны, «Таймс» ещё раз высказалась в том смысле, что «Данциг не является поводом для войны»¹⁷.

Объявляя эту верность английского правительства мюнхенской политике, «Манчестер гардиан» указывала на роль, которую играли здесь представители монополистического капитала: «Влиятельные люди вне правительства, из которых иные очень близки к правительству и находятся с ним в постоянном контакте... предпринимают попытки отклонить британскую внешнюю политику от нынешнего курса и столкнуться с Германией путём уступок за счёт дружественных держав»¹⁸.

Усилению уверенности агрессоров в том, что дело и на этот раз окончится чем-то вроде мюнхенскогоговора, способствовала изменническая кампания реакционной французской прессы. Именно в те дни появилась предательская статья Марсея Деа «Умереть за Данциг?»¹⁹. Она обратила на себя всеобщее внимание не только своим содержанием — открытым призывом к измене обязательствам Франции по отно-

¹³ «Frankfurter Zeitung» от 23 апреля 1939 года.

¹⁴ «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges» № 251, S. 240.

¹⁵ «Parliamentary debates. House of Commons». Vol. 374, col. 7—8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Times» от 29 мая 1939 года.

¹⁸ «Manchester Guardian» от 6 мая 1939 года.

¹⁹ «Oeuvre» от 5 мая 1939 года.

шению к Польше, — но и тем, что статья носила чуть ли не официальный характер: ведь Деа был секретарём партии, представленной в правительстве двумя министрами — Де Монзи и Помаре. Инцидент со статьёй Деа усугубился ещё и тем, что французское правительственное опровержение её носило двусмысленный характер.

23 мая в новой имперской канцелярии в Берлине состоялось совещание при участии Гитлера, Геринга, Редера, Браухича, Кейтеля, Мильха, Альбрехта и ф. Белова. В записи этого совещания, составленной адъютантом Гитлера Шмундтом, указывалось, что политической задачей дня является изоляция Польши²⁰. Поставив перед собой эту задачу, гитлеровцы начали провоцировать всевозможные инциденты и готовить через данцигский сенат закон о вручении власти Ферстеру — агенту Гитлера.

Истинную подкладку своей «политики гарантий» английское правительство разоблачило в переговорах о предоставлении Польше и другим «гарантированным» странам займа для закупки вооружения и снаряжения. Переговоры эти тянулись около трёх месяцев. Вернон Бартлег, обозреватель газеты «Ньюс кроникл», писал по этому поводу, что английское министерство финансов, повидимому, относится к полякам, как к «бедным родственникам, а не как к крайне важным союзникам»²¹. Действительно, камнем преткновения в переговорах оказался вопрос: должна ли Польша тратить предусматриваемые займом средства на закупку вооружения в одной только Англии? Споры эти тянулись до конца июля. Только 20 августа министром торговли Хадсоном и польским послом в Лондоне Рачинским было подписано гарантийное соглашение о займе в 8 163 300 ф. ст. для финансирования польских закупок в Великобритании. В общем Польша получила возможность приступить к закупке оружия лишь за 30 дней до начала военных действий!

Причина этой необычайной затяжки в настоящее время достаточно выяснена: английское правительство затягивало переговоры, используя их как средство нажима на Германию в своих тайных переговорах с Гитлером. Это был как раз период, когда Хадсон и Гораций Вильсон договаривались с немецкими агентами о широком политическом соглашении.

Англо-польский договор о взаимопомощи был подписан лишь за несколько дней до нападения гитлеровских войск на Польшу, 25 августа 1939 года.

Следует, впрочем, отметить, что и польская сторона не проявляла особого рвения к заключению формального соглашения. О «предусмотрительности» властителей панской Польши, её министров и генералов свидетельствует, между прочим, и тот факт, что, по сообщениям польской печати, часть предполагавшегося английского займа должна была быть израсходована на строительство военных предприятий.

Ещё меньше доброй воли проявило английское правительство в переговорах по укреплению отношений с Румынией и Грецией. Вслед за декларацией о предоставлении «гарантий» этим государствам никаких практических шагов не последовало. Дело ограничилось визитами и разговорами. Бухаресту был предоставлен незначительный кредит, в 5,5 млн. ф. ст., для закупки снаряжения в Англии. Афинам удалось выключить у своего покровителя ещё меньше: им были предоставлены кредиты на 2 с лишним миллиона фунтов. В заключение отметим, что с Румынией и Грецией не было заключено никаких формальных соглашений о военном союзе.

Такова была «политика гарантий», которую английская дипломатия выставляла как противовес агрессивной политике «оси Берлин —

²⁰ «Nazi conspiracy and aggression». Vol VII, p. 847—854. Doc. L — 79.

²¹ «News Chronicle» от 21 апреля 1939 года.

Рим». Политика эта, сильно скомпрометировавшая Англию в правящих кругах балканских государств, лишь способствовала усилению нажима Германии на балканские страны.

Англо-французские империалисты и не думали о практическом осуществлении своих «гарантий», они рассчитывали придти к соглашению с Гитлером путём обмена гарантий своим «протекже» на свою собственную безопасность. Они хладнокровно рассчитывали пожертвовать Польшей и, быть может, другими странами, а главное — вызвать советско-германский конфликт.

Об антисоветских намерениях и планах Англии и союзной с ней Франции свидетельствуют весь ход и перипетии переговоров с Советским Союзом о заключении военного союза, которые велись в решающие месяцы, март — август, 1939 года. В этих переговорах двойная игра британской дипломатии проявилась особенно отчётливо.

Как подчёркивает Справка Совинформбюро, «своими переговорами в Москве правящие круги западных держав стремились прежде всего усилить бдительность общественного мнения своих стран, обмануть народы, втягиваемые в войну»²².

Правительство Чемберлена, вынужденное начать переговоры с СССР, делало это с первого же момента с задней мыслью побудить Гитлера искать сближения с Англией, подстёгивая его видимостью предстоящего соглашения Англии с СССР. «Однако, этот замысел был разгадан Советским Правительством, которое на всех этапах переговоров противопоставляло дипломатическим трюкам и уловкам западных держав свои открытые и ясные предложения, призванные служить лишь одной цели — делу защиты мира в Европе»²³.

14 апреля лорд Галифакс пригласил к себе советского посла в Лондоне и сообщил ему, что английский посол в Москве Синдс уполномочен начать переговоры с народным комиссаром по иностранным делам. Переданные 15 апреля Синдсом английские предложения сводились к тому, чтобы советское правительство сделало заявление, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского Правительства, если она будет желательна»²⁴.

Таким образом, в случае германского нападения на одно из пограничных с Советским Союзом прибалтийских государств СССР должен был бы оказать ему помощь, не имея никаких гарантий английской помощи, т. е. «ввязаться в войну с Германией один на один»²⁵. «Что касается Польши и Румынии, которым Англия дала гарантии, то и в этом случае Советский Союз должен был оказать им помощь против агрессора. Но и в данном случае Англия не хотела брать на себя какие-либо обязательства совместно с Советским Союзом, оставляя себе свободу рук и поле для любого маневрирования, не говоря уже о том, что согласно этому предложению Польша и Румыния, а также Прибалтийские государства ничем не обязывались в отношении СССР»²⁶.

Советское правительство выдвинуло свои контрпредложения: 1. СССР, Англия и Франция заключат между собой договор о взаимопомощи и военную конвенцию. 2. Они гарантируют безопасность всех стран, расположенных между Балтийским и Чёрным морями. 3. СССР, Англия и Франция устанавливают размеры и формы военной помощи в случаях, предусмотренных выше²⁷.

²² «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 49.

²³ Там же, стр. 36.

²⁴ Там же, стр. 42.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ См. там же, стр. 43.

Советские предложения полностью отвечали основной цели переговоров — остановить фашистскую агрессию в любом направлении и тем обеспечить мир в Европе.

Конкретные предложения, выдвинутые советским правительством, застали лондонский кабинет врасплох. В Лондоне медлили с ответом, явно стремясь затянуть переговоры. Отвечая на вопросы в палате общин на другой день после получения ответа советского правительства, Чемберлен ограничился лишь сообщением, что «правительство продолжает тесную консультацию с другими заинтересованными правительствами, включая и СССР»²⁸.

18 апреля советский посол в Лондоне вылетел в Москву за инструкциями для ведения переговоров. Вернувшись обратно 30 апреля, он встретился с Галифаксом и детально изложил ему точку зрения советского правительства. 1 мая Галифакс сообщил кабинету о содержании своих бесед с послом СССР.

Отвечая в тот же день в палате общин на ряд вопросов о переговорах с СССР, Чемберлен сказал, что привезённые советским послом из Москвы предложения изучаются и что «переговоры в полном разгаре»²⁹.

В действительности же к этому моменту были «в полном разгаре» не переговоры о заключении англо-франко-советского союза, а была в полном разгаре кампания извращений и передержек относительно позиции советского правительства. Эта кампания началась тотчас же после передачи советских предложений. Так, либеральная «Манчестер гардиан», занимавшая, по её словам, античемберленовскую позицию, уже 22 апреля выступила с полным одобрением предложений британского правительства³⁰. Это было началом кампании англо-французской империалистической прессы, кампании, имевшей целью исказить позицию Советского Союза, ввести в заблуждение широкие массы трудящихся и прикрыть фактическое нежелание правительств Англии и Франции заключить пакт с СССР. Эта злостная кампания всячески поощрялась и поддерживалась американской реакционной печатью.

Желая оттянуть ответы на предложения советского правительства, английское правительство умышленно тратило массу времени для согласования ответов со своим французским партнёром. Бывший румынский министр иностранных дел Гафенко замечает по этому поводу, что во время переговоров каждая статья «должна была пройти через странные и многочисленные метаморфозы. Порой ей приходилось совершать несколько путешествий из Парижа в Лондон, сопровождаемых бесчисленными меморандумами и вербальными потоками»³¹. Одним словом, уже в этот первоначальный период переговоров английская дипломатия проводила их саботаж по всем правилам искусства.

Правильный анализ действий и выступлений англо-французской дипломатии в этот момент дал осведомлённый внешнеполитический обозреватель «Юманите» Габриель Пери. Опираясь на сталинский анализ международного положения, данный вождём советского государства на XVIII съезде ВКП(б), он раскрыл истинные замыслы тех реакционных финансовых кругов, которые руководили из-за кулис действиями английского и французского правительств и добивались односторонней гарантии Советского Союза своим соседям, без взаимности. «В момент конфликта, — писал Пери, — они найдут сколько угодно мотивов для того, чтобы истолковывать по-своему совместную декларацию. Отдалённость театра военных действий послужит им, впрочем, удобным предлогом. Они рассчитывают на то, что Советский Союз, географически более близкий к

²⁸ «Parliamentary debates». Vol. 346, col. 165.

²⁹ Там же, стб. 1985.

³⁰ «Manchester Guardian» от 22 апреля 1939 года.

³¹ Gafenco G. Derniers jours de l'Europe, p. 201—202. Paris. 1946.

району военных действий и всегда верный обязательствам, которые он подписывает, будет вовлечён, и вовлечён один, в конфликт с Германией».

А потом что? Что потом сделают Чемберлен и его парижские сообщники? На это Пери отвечал: «Они предложат создание комитета невмешательства. Сидя в Лондоне и Париже, они будут отсчитывать удары, следить за ходом борьбы. Их комитет невмешательства будет служить Гитлеру не менее усердно, чем это делал комитет Плимута в пользу Франко. А затем в Париже найдут, конечно, человека доброй воли, который предложит благоприятное Гитлеру посредничество. Таков план»³².

Затаённым планам англо-французской дипломатии соответствовали и те английские контрпредложения, которые Сиидс передал 8 мая В. М. Молотову в ответ на советское предложение от 17 апреля. 10 мая было опубликовано сообщение ТАСС по поводу ответа английского правительства. Английские контрпредложения сводились к следующему: «1. Советское правительство должно оказать немедленное содействие Великобритании и Франции в случае вовлечения этих последних в военные действия во исполнение принятых ими на себя обязательств по отношению к Польше и Румынии. 2. Однако в контрпредложениях английского правительства ничего не сказано о какой-либо помощи, которую должен был бы получить на основе взаимности Советский Союз от Франции и Великобритании, если бы он равным образом был вовлечён в военные действия во исполнение принятых им на себя обязательств в отношении тех или иных государств Восточной Европы»³³.

Как видно из сказанного, в англо-французском ответе полностью игнорировался принцип взаимности. Он совершенно не учитывал не только интересы Советского Союза, которому пришлось бы в случае конфликта принять на себя основное бремя борьбы, но и интересы безопасных малых стран в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Своим заявлением в палате общин от 10 мая Чемберлен ещё более оттенил смысл позиции английского правительства. Делая вид, что и он считает вопрос о заключении англо-советского соглашения «делом исключительной важности и срочности», Чемберлен заявил, что английское правительство держится той точки зрения, что «если Англия и Франция окажутся вовлечёнными в войну в результате выполнения своих обязательств, то советское правительство выражает готовность оказать им помощь»³⁴. При этом он обошёл полным молчанием ту часть сообщения ТАСС, в которой говорится о взаимности обязательств. Об этом умолчала и так называемая «оппозиционная» пресса.

Речь Чемберлена вызвала в СССР немедленный отклик. 11 мая «Известия» выступили с передовой статьёй «К международному положению». В ней указывалось: 1. Если Франция и Англия действительно желают создания барьера против агрессии в Европе, то прежде всего Англия, Франция и СССР должны быть связаны между собой пактом о взаимопомощи. 2. После этого они должны гарантировать другим государствам Восточной и Центральной Европы, которым угрожает агрессия. 3. Англия говорит о помощи, которую должен оказать Советский Союз, но ни словом не упоминает о помощи, которая будет оказана Советскому Союзу, если он окажется вовлечённым в войну в результате взятых на себя обязательств.

³² «L'Humanité» от 16 мая 1939 года.

³³ «Внешняя политика СССР». Т. IV, стр. 417, док. № 327.

Гафенко пишет, что автором этих контрпредложений был Бонне, предложивший следующую формулу: «Если Франция и Великобритания, в результате действий, принятых для предотвращения изменения статус кво в Центральной и Восточной Европе, окажутся вовлечёнными в войну с Германией, то СССР немедленно предоставит им помощь и сотрудничество». G a f e n c o G. Указ. соч., стр. 206.

³⁴ «Parliamentary debates». Vol. 347, clm. 454—455.

Газета категорически отвергла тезис англо-французской дипломатии, что, защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция фактически защищают западную границу СССР. Газета указывала, что: «во-первых, западная граница СССР не ограничивается Польшей и Румынией. Во-вторых, — и это главное, защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция защищают самих себя, а не западную границу СССР», так как Англия и Франция имеют пакт о взаимопомощи с Польшей; Румыния имеет союзный договор с Польшей, т. е. фактически должна стать косвенным союзником Англии и Франции. В-третьих, СССР, «не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей... обязывается оказать помощь всем этим трём государствам, не получая от них никакой помощи, причём в случае агрессии, направленной прямо против СССР, последний вынужден обходиться только лишь своими собственными силами»³⁵.

Выступление «Известий» имело большое значение. С одной стороны, в нём была вскрыта сущность разногласий между западными державами и СССР, а с другой, — убедительно разоблачались передержки фальсификаторов, старавшихся предстать позицией СССР в должном свете.

15 мая в Лондоне был получен официальный советский ответ на англо-французские «контрпредложения» от 8 мая. Ответ был составлен в том же духе, что и передовая «Известий» от 11 мая. Тезис советского правительства был неопровержимым, ибо покоился на логике вещей³⁶.

Явно саботажническая позиция английского правительства вызвала недовольство даже среди некоторых консерваторов. В палате общин Вивиан Адамс напрямик спрашивал премьера, намерено ли английское правительство заключить пакт о взаимопомощи и взаимной гарантии между Англией, Францией и Россией. На этот и аналогичные вопросы других депутатов Чемберлен ответил, что он ничего не может добавить к своему заявлению от 10 мая, и вовсе отмолчался, когда консерватор Бутби спросил, почему столь важные переговоры ведутся через обычные дипломатические каналы, а не путём личных встреч руководителей обеих стран.

Наиболее оголтелые и менее искушённые в дипломатии «двойной игры» мюнхенцы не жалели усилий, чтобы использовать справедливые требования Советского Союза как предлог для прекращения переговоров. Один из «могильщиков Франции», генерал Вейган, вёл в это время антисоветскую пропаганду, пользуясь своей поездкой по Балканам.

Показателем для прогитлеровских установок правящих кругов Англии и Франции и инцидент с выдачей чехословацкого золота Германии. 19 мая в английской печати появились сообщения о том, что в Лондоне неофициально находится германская делегация во главе с Вольтатом, уполномоченным Геринга, для ведения переговоров о передаче чехословацкого золота, депонированного в Английском банке. Когда Ллойд Джордж потребовал от Чемберлена объяснений по этому поводу, последний ответил решительным отрицанием, заявляя, что «вся история является мистификацией. Г-на Вольтата — таково имя джентльмена — в Лондоне вообще нет. Во всяком случае, министерство финансов не согласилось передать какие-либо чехословацкие вклады Банку международных расчётов или кому бы то ни было».

Заявление Чемберлена было лживо от начала до конца. На самом же деле, как об этом рассказал в 1945 г. известный английский экономист Пауль Эйнциг, происходило следующее³⁷.

К моменту занятия Праги гитлеровскими войсками, в марте 1939 г., весь чехословацкий золотой запас был отправлен в Лондон от имени

³⁵ «Известия» от 11 мая 1939 года.

³⁶ Этого не мог не признать в своих военных мемуарах поджигатель новой мировой войны Черчилль: «Даже рассматривая вещи ретроспективно, нужно сказать, что Англия и Франция были обязаны признать русское предложение и провозгласить тройственное согласие». Churchill. Указ. соч., стр. 368.

³⁷ Einzig P. Appeasement before, during and after the war. London. 1945.

чехословацкого Национального банка и Банка международных расчётов. Немцы потребовали передачи чехословацкого золота Рейхсбанку, и чехи под угрозой заключения в концентрационный лагерь отдала требуемое распоряжение.

Между тем британские власти блокировали золотой запас, числившийся за чехословацким Национальным банком, но передали Рейхсбанку часть чехословацкого золота в размере 6 млн. ф. ст. под тем формальным предлогом, что это золото было сдано в Английский банк Банком международных расчётов и, следовательно, числилось на счету последнего и что от него поступило распоряжение о передаче означенных сумм в Рейхсбанк.

Английский министр финансов Саймон не сделал никакой попытки воздействовать на двух английских директоров Банка международных расчётов — Отто Неймейера и Монтегю Нормана, — дабы побудить их воспрепятствовать выдаче чехословацкого золота. При решении вопроса английский директор банка, конечно, «воздержался»: ни для кого не составляло секрета, что Монтегю Норман был тесно связан с Шахтом и другими финансовыми воротилами гитлеровской Германии. 6 млн. фунтов чехословацкого золота было передано в гитлеровскую казну.

Ободрённые этим успехом, гитлеровцы послали в середине мая в Лондон делегацию для обсуждения вопроса о выдаче и тех вкладов, которые числились на счету чехословацкого Национального банка и были блокированы британскими властями. Саймон — душа реакционной клики чемберленовского кабинета — готов был сдать оставшуюся часть чехословацкого золота в обмен на согласие германского правительства удовлетворить английские претензии к Чехословакии³⁸. Совещания с германской делегацией, возглавленной Рютгером, происходили в обстановке глубокой тайны. Членам делегации было предложено соблюдать строжайшее инкогнито и воздерживаться от установления связи даже со своими личными друзьями в Лондоне. Тем не менее сведения об этих переговорах проникли в печать. Консерватор Данкан Сендис 18 мая задал Саймону вопрос: правда ли, что переговоры закончились соглашением о передаче блокированных чешских вкладов? Сендиса уговорили взять свой вопрос назад. В тот же день «Файненшл ньюс» сообщила, что чешское золото, находившееся в Английском банке, от имени Банка международных расчётов фактически передано Рейхсбанку.

Такова истинная правда о выдаче чешского золота немецким захватчикам. Однако английский премьер назвал эту правду «мистификацией», используя то обстоятельство, что информация, появившаяся в «Дейли телеграф», была не во всех деталях точна.

Вопрос о чехословацком золоте не сходил с повестки дня палаты общин в течение трёх месяцев (май — июль). Саймону, припёртому к стене массой разоблачений, пришлось признать, что эта история ничуть не является мистификацией, но он тут же выдвинул в свою защиту новую ложь: будто бы правительству неизвестно, было ли передано в адрес Банка международных расчётов именно чешское золото, а не какое-либо другое. На следующий день Саймону пришлось сознаться, что правительство знало о передаче чехословацкого золота, но что информация об этом якобы была неофициальной. В конце концов, после многочисленных и лживых увёрток, Саймону пришлось сделать окончательное заявление, что передача золота Германии является «фактом, достойным сожаления». Таким образом, путём различных вероломных махинаций английское правительство, официально или неофициально, передало в ру-

³⁸ Можно с полным основанием предположить, что переговоры Саймона касались более широких вопросов, в том числе и политических. Ведь переговоры Вольфат—Хадсон (июль 1939 г.) тоже как будто касались чисто коммерческих вопросов. На самом же деле, как явствует из документов, опубликованных советским правительством, речь шла о политическом соглашении.

ки немцев весьма крупные средства чехословацкого народа. Скандал с передачей золота принял такие размеры, что германской делегации не удалось получить оставшуюся часть чехословацкого золота и пришлось покинуть Лондон с пустыми руками.

Необходимо подчеркнуть, что дело было не только в золоте, хотя история эта и сама по себе достаточно характерна: согласие английского правительства на выдачу золота Германии должно было содействовать сговору английских правящих кругов с гитлеровской Германией. Всё это происходило в период мнимоинтенсивных переговоров с Советским Союзом, когда по всем каналам пропаганды в Англии, Франции и ряде других стран распространялись версии о горячем желании Англии заключить союз с СССР, чему якобы мешает Москва своими мелочными придирками.

С другой стороны, изучение источников показывает, что англо-французская дипломатия всячески поощряла руководителей панской Польши, в частности Бека, в их самоубийственном сопротивлении получению военной помощи от Советского Союза. Англо-французскими дипломатами использовался этот отказ, ими же внушённый, для затягивания до бесконечности переговоров о создании англо-советско-французского антифашистского блока.

Несмотря на все эти препятствия, советское правительство настойчиво и упорно продолжало борьбу за обеспечение мира в Европе. Прежде всего оно настаивало на соблюдении принципа взаимности обязательств.

Вокруг этого коренного вопроса переговоров плёл изощрённые интриги французский министр иностранных дел Бонне, неизменно пытавшийся разыгрывать роль «посредника» между Англией и Советским Союзом. Об истинном характере этого «посредничества» Женевьева Табуи писала: «Двурушничество Бонне обостряло положение: Опасаясь заключить военный пакт с Россией, который обязал бы Францию выступить открыто против Германии, Бонне проводил обструкцию англо-русского пакта, утверждая в то же время, что он его поддерживает». Табуи отмечает, что Бонне делал Советскому Союзу всякого рода привлекательные предложения в преднамеренно неопределённой форме, «для того чтобы оставить себе лазейку»³⁹.

Ободрённые затяжкой переговоров со стороны своих фактических сообщников, Германия и Италия подписали между собой 22 мая договор о военно-политическом союзе. Агрессивный блок держав оси был окончательно оформлен.

В свете прошлого опыта было ясно, что за этим в скором времени последует новая агрессия. Широкие массы трудящихся в Англии, всё более тревожась за судьбы мира, требовали, чтобы правительство незамедлительно заключило пакт с Советским Союзом. 24 мая в Москву были направлены новые английские предложения, и премьер-министр, снова вводя в заблуждение английское общественное мнение, заявил в палате общин, что у него имеются «все основания надеяться... на достижение полного соглашения в скором времени»⁴⁰.

Новые англо-французские предложения, которые английский посол Сиидс и французский поверенный в делах Пайяр вручили 27 мая В. М. Молотову, сводились к следующему: Англия, Франция и СССР окажут друг другу немедленную помощь, если одно из этих государств будет атаковано или втянуто в войну в результате своих обязательств, данных другим странам. При угрозе агрессии проводится предварительная консультация в духе ст. 16 устава Лиги наций. Народный комиссар иностранных дел ответил англо-французским представителям, что их предложения являются неудовлетворительными и что «англо-француз-

³⁹ Tabouis G. They called me Cassandre, p. 409.

⁴⁰ «Parliamentary debates». Vol. 347, col. 2267.

ское предложение наводит на мысль, что Правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нём. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей»⁴¹.

31 мая В. М. Молотов выступил на 3-й сессии Верховного Совета СССР первого созыва с докладом о международном положении и внешней политике СССР. Народный комиссар иностранных дел беспощадно сорвал фальшивые покровы с англо-французских предложений и показал, что они могут означать на деле.

В. М. Молотов говорил: «Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограниченно агрессивной в одних районах, не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах?» Он подчеркнул, что переговоры могут закончиться успехом лишь при определённых условиях, а именно: необходимо «заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств центральной и восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров... Понятно, что основой такого соглашения является принцип взаимности и равных обязанностей»⁴².

Позиция Советского Союза была неуязвима. Речь народного комиссара иностранных дел, в которой была изложена эта позиция, произвела глубокое впечатление во всём мире. Английской буржуазной печати пришлось волей-неволей признать справедливость требований СССР. Черчилль должен был признать 8 июня, что «советские предложения просты, логичны и соответствуют основным интересам заинтересованных государств»⁴³. Точно так же Иден, бывший министр иностранных дел, счёл необходимым выступить против злонамеренных утверждений, будто СССР, требуя гарантии независимости прибалтийских стран, преследует какие-то тайные цели. В речи, произнесённой в Уорике 10 июня 1939 г., Иден заявил: «Наша нелюбовь к коммунизму не может скрыть от нас того факта, что Россия не является ни агрессивной, ни экспансионистской державой»⁴⁴.

Для той части французской буржуазной печати, которая сохранила некоторую независимость от «200 семейств», характерно заявление Анри де Кериллиса. Комментируя речь В. М. Молотова, он прямо указывал, что СССР имеет право не доверять Даладье и Бонне, ибо большая часть правительственного большинства открыто заявляет, что «цель целей нынешней дипломатической стратегии состоит в том, чтобы дать Берлину пожать Украину и расчленив СССР»⁴⁵.

Особое значение выступления В. М. Молотова состояло в том, что он разоблачил попытки правительства Чемберлена и Даладье возложить на Советский Союз ответственность за задержку в подписании тройственного пакта. В. М. Молотов ясно показал, что новый англо-французский план обставлен такими оговорками — вплоть до оговорки насчёт некоторых пунктов устава Лиги наций, — что он может оказаться фиктивным шагом вперёд⁴⁶.

Правительство Чемберлена придумывало всё новые и новые уловки и отговорки, чтобы избежать заключения равноправного англо-совет-

⁴¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 46.

⁴² «Известия» от 1 июня 1939 года.

⁴³ «Daily Telegraph and Morning post» от 8 июня 1939 года.

⁴⁴ «Times» от 12 июня 1939 года.

⁴⁵ «Еpoque» от 1 июня 1939 года.

⁴⁶ «Известия» от 1 июня 1939 года.

ского договора. Теперь оно ухватилось за инспирированные им же заявления министров полуфашистских правительств Финляндии, Эстонии и Латвии о том, что они не желают и не примут никакой гарантии для своих стран. Нарочитость и фальшь этих оговорок, служивших предлогом для затяжки переговоров англо-французами, явствует хотя бы из того, что англо-французские гарантии Румынии и Греции были односторонними.

Явное нежелание английского правительства придти к соглашению с СССР особенно наглядно проявилось в его отношении к требованию послышки в Москву члена правительства или выдающегося политического деятеля. Чемберлен отклонял все предложения, которые вносились с этой целью. В частности, было отвергнуто обращение Идена к Галифаксу с предложением своих услуг. Взамен этого Чемберлен объявил о решении правительства послать в Москву «для быстрого завершения переговоров» представителя министерства иностранных дел⁴⁷.

Им оказался чиновник министерства иностранных дел Стрэнг, известный в кругах иностранного ведомства своей приверженностью к политике «умиротворения». Стрэнг ездил с Чемберленом в Берхтесгаден, Годесберг и Мюнхен. Это он вместе с Горацием Вильсоном был автором текста предательского «мюнхенского соглашения». Перед своим назначением в Москву он находился в Варшаве, где, по сообщениям печати, пытался сыграть роль «Ренсимена для Польши». Явно расшаркиваясь перед фашистскими агрессорами, 21 июня парламентский секретарь министерства иностранных дел Батлер в ответ на вопрос, обладает ли Стрэнг полномочиями, заявил, что функции Стрэнга чисто совещательные⁴⁸.

Пока Чемберлен и его приспешники распространялись насчёт «трудного вопроса» о включении прибалтийских государств в систему гарантий, Германия подписала 8 июня с Эстонией и Латвией договор о ненападении, что фактически обеспечивало её решающее влияние на эти государства.

Габриель Перн комментировал это событие в следующих выражениях: «Франко-британский проект имеет следующий неслыханный результат: Франция и Великобритания просят СССР о содействии, которое им необходимо для выполнения своих обязательств перед Польшей и Румынией. В то же время они позволяют Германии — и это позволение носит характер поощрения — поставить СССР в самое неблагоприятное дипломатическое и стратегическое положение»⁴⁹.

Как бы поздравляя Гитлера с этим успехом, Галифакс заявил на следующий день в палате лордов, что Англия не отказывается повести переговоры с Германией об удовлетворении её требований в отношении «жизненного пространства»⁵⁰. С речью подобного же содержания выступил 9 июня в Бирмингеме и Чемберлен.

В довершение этой двойной игры на сцене появился римский папа. Через итальянских послов в Лондоне и Париже он обратился с призывом созвать международную конференцию (разумеется, без участия Советского Союза). Папа убеждал Англию и Францию, что не следует совершать «неразумного шага», не следует заключать трёхсторонний договор, дабы не поставить Германию и Италию перед совершившимся фактом. Особенно подчёркивалось в этом обращении, что любое действие, которым задержится подписание англо-советского пакта, будет благоприятствовать созыву конференции.

Выступление папы вполне гармонировало с намерениями английского правительства, рассматривавшего переговоры с СССР как козырь в торге с Гитлером. Это, в частности, явствует из записи статс-секре-

⁴⁷ «Parliamentary debates». Vol. 348, cfm. 400—401.

⁴⁸ Там же, стб. 2205.

⁴⁹ «L'Humanité» от 9 июня 1939 года.

⁵⁰ «Times» от 10 июня 1939 года.

таря германского министерства иностранных дел Вейцекера о беседе, которую он имел 13 июня 1939 г. с английским послом Гендерсоном.

Вот что писал Вейцекер: «Известно, что с некоторого времени в печати идёт разговор о донесении Гендерсона, в котором он высказывается за успешное продвижение переговоров с Москвой. Гендерсон, особенно не распространяясь, дал разъяснение в следующем смысле: до тех пор, пока между Лондоном и Москвой ведутся переговоры, естественно, что переговоры между Лондоном и Берлином невозможны. Если бы русский пакт был заключён, можно было бы говорить с Берлином. Таким образом, Гендерсон хотел сказать то же самое, что сказала «Таймс», а именно: сила и готовность к переговорам тесно связаны между собой, без силы Англия, может быть, не являлась бы подходящим партнёром для переговоров. Что касается британского (проекта.— *Л. Н.*) русского пакта, я сделал Гендерсону некоторые замечания. Британская политика стала диаметрально противоположной собственному тезису Гендерсона, который он неоднократно публично выставлял: «Англия желает для себя моря, Германии может быть предоставлен европейский континент»⁵¹.

Анализ этой беседы позволяет сделать следующие выводы: Англия рассматривает пакт с СССР как средство припугнуть Гитлера и повести с ним переговоры на более выгодных для Англии условиях; Англия выступает за предоставление Германии свободы рук в Европе.

И без особых объяснений понятно, какова была миссия, возложенная на Стрэнга в этих условиях двойной игры британской дипломатии. 13 июня Стрэнг прибыл в Москву. 15 июня В. М. Молотов принял его вместе с Синдсом и Наджиаром. При беседе, которая продолжалась 2 часа 25 минут, присутствовал В. П. Потёмкин. Обсуждались основные разногласия. В. М. Молотову были переданы тексты новых англо-французских формулировок. В «Известиях» появилось сообщение: «Результаты первой беседы и ознакомления с англо-французскими формулировками расцениваются в кругах Наркоминдела, как не вполне благоприятные»⁵².

16 июня В. М. Молотов вновь принял послов Англии и Франции вместе со Стрэнгом. Беседа продолжалась около часа⁵³.

Для того чтобы посеять в английском народе новые иллюзии насчёт предстоящей якобы вскоре реализации требований о спасительном пакте с СССР, Чемберлен заявил в палате общин 21 июня, что английские предложения признают полное равенство обязательств.

В действительности этого равенства обязательств не существовало и в «новых» англо-французских предложениях, которые были переданы В. М. Молотову 21 июня. В них повторялись, в сущности, прежние неудовлетворительные предложения Англии и Франции. В кругах Наркоминдела отмечали, что эти «новые» предложения не представляют какого-либо прогресса по сравнению с предыдущими предложениями⁵⁴. Как отмечает Фирлингер в своих записях, в кругах французского посольства в Москве признавали, что новые французские предложения, по существу, ничем не отличаются от прежних⁵⁵.

Это был форменный саботаж, который чуть-чуть прикрывался требованиями дипломатической вежливости. В саботажническом арсенале чемберленовцев существовал и метод подрыва официально изложенных целей переговоров: стоило лишь англо-французским представителям в Москве передать советской стороне какие-либо новые предложения, по существу, несостоятельные, как Чемберлен или кто-нибудь из

⁵¹ Auswärtiges Amt. 1939, № 2. Berlin. Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges, № 307. S. 297.

⁵² «Известия» от 16 июня 1939 года.

⁵³ См. Там же, от 17 июня 1939 года.

⁵⁴ См. Там же, от 22 июня 1939 года.

⁵⁵ Fierlinger Z. d. Ve sfuzbach CSR, str. 225. Praha. 1948.

близких к правительству лиц выступал с речью, рассчитанной на умиротворение Гитлера. 24 июня, например, Чемберлен выступил в Кардифе с заявлением, что не следует препятствовать «мирной экспансии нацизма». Через несколько дней, 28 июня, Галифакс заявил на годовичном обеде в Королевском институте международных отношений о желании английского правительства договориться с Германией по колониальным проблемам, по вопросам сырья, даже по такому щекотливому предмету переговоров, как «жизненное пространство»⁵⁶.

Двойная игра английского правительства становилась всё более явной. Председатель комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР А. А. Жданов выступил по этому поводу в советской печати:

«Я думаю, и попытаюсь доказать фактами, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, т. е. такого договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры». Это положение А. А. Жданов обосновывал рядом убедительных фактов. Он показал, что в течение 75 дней переговоров, начиная с 15 апреля 1939 г.⁵⁷, советское правительство потратило на подготовку ответов и предложений 16 дней, в то время как остальные 59 дней ушли из-за затягивания переговоров англо-французами. Далее, ссылаясь на сообщение «Сандей таймс» от 4 июня, которая писала, что Польша придёт на помощь Великобритании, если последняя будет втянута в войну в случае нападения на Голландию, и что Великобритания, в свою очередь, окажет помощь Польше в случае нападения на Данциг и Литву, А. А. Жданов писал: «Я не знаю, спрашивали ли Литву и Голландию об этой двусторонней гарантии. Во всяком случае об этом ничего не сообщалось в прессе». А. А. Жданов привёл интервью, данное Беком французскому журналисту. Бек заявил, что «Польша ничего не требовала и ни о чём не просила в смысле предоставления ей каких бы то ни было гарантий от СССР и что она вполне удовлетворена тем, что между Польшей и СССР имеется недавно заключённое торговое соглашение».

В связи с этим А. А. Жданов ставил законный вопрос: «Чем же отличается в данном случае позиция Польши от позиции правящих кругов трёх прибалтийских государств? Абсолютно ничем. Однако, это не мешает Англии и Франции требовать от СССР гарантий не только для Польши и ещё 4 других государств, о желании которых получить от СССР гарантии нам ничего неизвестно, но и гарантии для Голландии и Швейцарии, с которыми СССР не имеет даже простых дипломатических отношений».

«Всё это говорит о том,— резюмировал А. А. Жданов,— что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдёт, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру».

Статья А. А. Жданова сыграла большую роль в разоблачении истинных планов правительств Чемберлена и Даладье. Она дала ясно понять, что затеянная англо-французской дипломатией игра чревата для Англии и Франции самыми пагубными последствиями.

Фиктивность гарантий, предложенных Советскому Союзу Англией и Францией, отчётливо выявилась и в споре вокруг того, как следует

⁵⁶ Halifax. Speeches of Foreign policy, p. 289—296. London. 1940.

⁵⁷ «Правда» от 29 июня 1939 года.

понимать «косвенную агрессию». Предвидя, что гитлеровцы могут попытаться овладеть Прибалтикой посредством внутренних переворотов, советское правительство настаивало на гарантиях и в случае косвенной агрессии, т. е. в случае произведённого гитлеровцами внутреннего переворота. Положение в Прибалтике, создавшееся в результате господства местных фашистских и полуфашистских клик, было таково, что опасность «косвенной агрессии» была вполне реальна. Как подчёркивалось в сообщении ТАСС от 2 августа 1939 г., разногласия по этому вопросу состояли «в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран»⁵⁸.

В то время как понятие косвенной агрессии чётко определялось советской стороной, не оставляя никаких лазеек для агрессора, английская и французская формулы косвенной агрессии оставляли такую лазейку, чтобы в момент, когда настанет необходимость принять практические меры, можно было утверждать, что косвенная агрессия не имеет места, и, таким образом, увильнуть от взятых на себя обязательств.

«С одной стороны,— говорил В. М. Молотов,— Англия и Франция гарантировали Советскому Союзу военную помощь против агрессии в обмен на соответствующую помощь со стороны СССР. С другой стороны, они обставляли свою помощь такими оговорками насчёт косвенной агрессии, которые могли превратить эту помощь в фикцию и давали им формально-юридическое основание увильнуть от оказания помощи и поставить СССР в состояние изоляции перед лицом агрессора»⁵⁹.

На этом этапе переговоров правительство Чемберлена прикрывало своё нежелание принять советское предложение об определении косвенной агрессии лицемерными заявлениями о том, что английское правительство заботится о «сохранении независимости и нейтралитета» Финляндии и прибалтийских стран. Подоплёку этой неожиданной заботы английских империалистов об интересах прибалтийских стран тщательно замалчивали буржуазные органы печати: газеты «Таймс» и «Манчестер гардиан» и все другие газеты консервативного и либерального толка, вплоть до иудушек из лейбористской «Дейли геральд». Эту подоплёку вразумительно разъяснил в письме в редакцию журнала «Лейбор мансли» (июнь 1939 г.) известный прогрессивный деятель капитан Гренфелл. «Дело в том,— писал он,— что в предвидении германского нападения на СССР через балтийские государства и в целях потворства такому нападению английское правительство заключило тайное соглашение с Эстонией и Финляндией об использовании аэродромов этих стран британской авиацией для действий против Советского Союза в случае подобной войны»⁶⁰.

Комментируя это письмо, освещающее один из наиболее тёмных закулисных в политике британской реакции, «Лейбор мансли» в следующем номере прямо связывал его с внезапной отвагой, обрётённой министрами иностранных дел Финляндии и Эстонии. Последние наотрез отказались принять гарантии, обсуждавшиеся в англо-франко-советских переговорах. Вдохновителей этих марионеток не нужно было далеко искать. «Лейбор мансли» отметил, например, что декларация эстонского министра иностранных дел впервые была опубликована на английском языке в журнале «Балтик таймс».

Затягивая переговоры, правительство Чемберлена стремилось вызвать в массах английского народа разочарование медленными темпами переговоров, утомить общественное мнение нескончаемыми толками о пакте, разнообразными версиями насчёт «неуступчивости русских», распространением необоснованных слухов с тем, чтобы, используя вызванный всем

⁵⁸ «Известия» от 2 августа 1939 года.

⁵⁹ «Известия» от 1 сентября 1939 года.

⁶⁰ «Labour Monthly», июнь 1939 года.

этим упадок настроений, договориться с Германией о союзе против СССР.

Слухи о тайных переговорах Чемберлена с гитлеровцами шли уже давно. Неопределённые сообщения об этом появлялись в газетах в течение всего времени, пока велись переговоры с Советским Союзом. Но конкретную, определённую форму эти сообщения приняли в 20-х числах июля, когда о них заговорили «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл». Назывались имена министра торговли Хадсона и секретаря премьера — Горация Вильсона, с одной стороны, и крупного германского чиновника Вольтата, который уже известен нам в связи с делом о выдаче чешского золота. Отвечая на вопросы газетных репортёров, Хадсон заявил, что в этих переговорах речь идёт о предоставлении Германии займа в миллиард марок для перевода её экономики на мирные рельсы.

Это заявление было подхвачено газетами. Разгорелась острая полемика. Чемберленовская печать немедленно взяла Хадсона под защиту. «Таймс» писала 24 июля, что предложения Хадсона ни в чём не расходятся с английской политикой. «Единственной ошибкой во всём этом деле является неосторожность Хадсона», — писала газета. Отвечая 24 июля в палате общин на ряд вопросов по этому поводу, Чемберлен опроверг сообщение о предполагаемом займе, но, конечно, умолчал о действительном содержании переговоров⁶¹. Об их содержании советская и мировая общественность осведомлена в настоящее время по документам, которые найдены в личном архиве Дирксена, бывшего германского посла в Лондоне. В донесениях и записях Дирксена подробно рассказывается о переговорах, которые велись с ведома и одобрения британского премьера Вильсона и Хадсона с германским уполномоченным на китоловной конференции Вольтатом⁶².

Переговоры велись в широком, мировом, можно сказать, плане. В беседе Вольтата с Хадсоном от 20 июля речь шла «об открытии новых и эксплуатации существующих мировых рынков», о новом разделе мира, о разделе его на сферы влияния. Разговор шёл в первую голову о Британской империи, Китае и России — «трёх больших областях, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил»⁶³.

Интересно упоминание о Китае и России. Хотя этот пункт в дальнейшем Дирксеном не развивается, он даёт представление о том, как мыслили себе английские империалисты совместное англо-германское «приложение сил в России». В свете происшедших событий не подлежит сомнению, что в этом сговоре против Советского Союза речь шла не более, не менее, как об уничтожении и последующем разделении нашей социалистической Родины на сферы влияния.

Как видно из донесений Дирксена, английское правительство готово было в случае успешного разрешения вопроса о разделе мировых рынков и территорий оставить на произвол судьбы Польшу, которой оно только что дало гарантии, пожертвовать своими союзными отношениями с Францией и отдать Юго-Восточную Европу германскому монополистическому капиталу. Обо всём этом в записях Дирксена говорится с достаточной откровенностью.

Передавая предложения Вильсона в своей «Обзорной записке», охватывающей все имевшие место разговоры, Дирксен пишет: «Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу рук

⁶¹ См. «Times» от 25 июля 1939 года.

⁶² Это был второй, если не третий, этап переговоров. В июне 1939 г. в Лондоне Хадсон и Вильсон вели тайные переговоры с Вольтатом. Ссылка на эти переговоры имеется в «Документах и материалах». Т. II, № 13, стр. 76.

⁶³ Министерство иностранных дел СССР «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. II. Архив Дирксена (1938—1939), № 13, стр. 71. Госполитиздат. 1948.

в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения. Таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве, лицом к лицу с Германией»⁶⁴.

В заявлениях чемберленовского агента лейбориста Родена Бэкстона советнику германского посольства в Лондоне Кордту говорилось: «Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась от всех своих связей в Юго-Восточной Европе»⁶⁵. Этим имелось в виду достигнуть, во-первых — и это главное, — изоляции СССР, во-вторых, низведения Франции на положение второстепенной державы, бессильного сателлита Великобритании.

В центре внимания германских участников этих переговоров стоял, конечно, вопрос о предполагавшемся соглашении Англии с Советским Союзом. Риббентроп больше всего интересовался этой стороной переговоров, и Вейцекер запросил об этом Дирксена специальной телеграммой от 31 июля. «Великобритания, — совершенно откровенно заявил Бэкстон своему немецкому собеседнику, — обещает прекратить переговоры о заключении договора с Советским Союзом»⁶⁶. Заявление Бэкстона Кордту было передано в Берлин на другой же день.

Эти переговоры были обобщены и как бы закреплены в беседе, которую имел Дирксен с самим Галифаксом 9 августа 1939 г., перед своим отъездом в отпуск. Английский министр иностранных дел заявил, что «если лёд будет однажды сломан, то с английской стороны пойдут очень далеко, чтобы достигнуть соглашения с Германией»⁶⁷. Слова «очень далеко» были повторены Галифаксом и в самом конце беседы, чем подчёркивался особый их смысл.

Дирксену не было известно, что одновременно, и даже несколько ранее, начались параллельные переговоры между Англией и Германией при посредничестве Далеруса — шведского промышленника и друга Геринга. Об этих переговорах стало известно из изданной в 1945 г. в Швеции книги Далеруса «Последняя попытка» и из его же устных показаний Международному трибуналу в Нюрнберге 19 марта 1946 года⁶⁸. Далерус показал, что во время своего пребывания в Англии в июне 1939 г. он убедился, что широкие массы английского народа относятся к гитлеровской Германии крайне враждебно. Новый акт агрессии со стороны Германии может вызвать войну. Это убеждение ещё более укрепилось после беседы Далеруса с его английскими друзьями из делового мира 2 июля в «Конституционном клубе».

6 июля Далерус встретился с Герингом в Каринхолле. Сообщив ему о настроениях в Англии, он подчеркнул, что имеется возможность добиться англо-германского соглашения. При этом Далерус предложил свои услуги для организации встречи представителей Англии и Германии.

8 июля Геринг передал Далерусу, что Гитлер согласен с планом. По мысли Далеруса, свидание должно было состояться в Швеции по инициативе шведского правительства. Но последнее не сочло для себя возможным принять участие в этом деле и отклонило предложение Далеруса. Тогда Далерус взял организацию встречи на себя. 19 июля он вылетел в Лондон для приготовления к встрече. 20 июля он встретился с Галифаксом, которому изложил свой план. Галифакс ответил согласием на предложение Далеруса. «Он сказал, что не желает, чтобы кто-

⁶⁴ «Документы и материалы». Т. II, № 29, стр. 220.

⁶⁵ Там же, № 22, стр. 125—126.

⁶⁶ Там же, стр. 126.

⁶⁷ Там же, № 25, стр. 150—151.

⁶⁸ «Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. Vol. IX, p. 457—497. Nürnberg. 1947. См. также показания адъютанта Геринга, Боденшатца, 8 марта 1946 г. (Т. IX, стр. 10—12; 42—43).

либо из членов английского правительства или парламента принимал в этом участие. Однако правительство его величества будет ожидать результатов совещания с большим интересом»⁶⁹.

Понятно, почему Галифакс не хотел, чтобы в совещании принял участие официальный представитель английского правительства. С одной стороны, в это время происходили переговоры Вильсона и Хадсона с Вольтатом, и Галифакс не знал ещё, к каким результатам они могут привести. С другой стороны, английское правительство боялось скомпрометировать себя и предпочитало, чтобы переговоры вели лица, пользующиеся его доверием, но не занимающие официального положения.

7 августа в имении жены Далеруса, в Шлезвиг-Гольштейне, встретились представители Англии и Германии. С английской стороны — от делового мира — Чарльз М. Лорн, С. В. Россэн, А. Холден, сэр Роберт Рениг, Брайан С. Маунтейн, С. Ф. Спенсер, Г. Минсфорд⁷⁰. С германской стороны присутствовали: Геринг, его адъютант Боденшатц и переводчик д-р Шоттль. После оживлённого обмена мнениями, в ходе которого англичане высказали предположение, что в случае нападения Германии на Польшу Англия вступит в войну, обе стороны пришли к выводу, что Англия и Германия могут придти к соглашению. Германская сторона предпочитала больше выслушивать мнения и предложения английской делегации, нежели высказывать свою точку зрения. Из всего хода переговоров явствует, что Геринг стремился выявить, на какие уступки готова пойти Англия, не связывая себя в то же время никакими обязательствами. Решено было, что переговоры должны быть продолжены между официальными представителями Англии и Германии. На следующий день англичане предложили, чтобы на конференции были представлены также Франция и Италия. Геринг выразил согласие.

Утром 9 августа английские делегаты покинули Германию. По приезде в Лондон они немедленно передали в Форейн офис доклад о результатах переговоров.

Переговоры с гитлеровскими агентами, так ярко характеризующие двойную игру правительства Чемберлена, представляли собой настоящую измену английскому народу, который ждал заключения союзного договора с СССР. Не удивительно поэтому, что в беседах с Дирксеном Вильсон настойчиво рекомендовал ему величайшую скрытность, поскольку «Чемберлен сильно рискует, вступая на этот путь, и подвергает себя опасности падения»⁷¹.

Очевидно, Вильсон опасался, что разоблачение двойной игры Чемберлена вызовет бурю возмущения в английском народе, раскроет окончательно глаза английским народным массам и сделает невозможным дальнейшую поддержку Чемберлена лейбористскими лидерами. Ведь не будь изменнического сообщничества лейбористских лидеров с правительством, Чемберлен не мог бы и помышлять об успехе своей политики сговора с фашистскими агрессорами под ширмой переговоров с Советским Союзом.

В то время как коммунисты, несмотря на свою малочисленность, прилагали все усилия к созданию Народного фронта для свержения Чемберлена, лейбористские руководители всеми имевшимися в их распоряжении средствами противились созданию античемберленовского народного блока. Реакционные лидеры тред-юнионов, вроде Бевина и Ситрина, совместно с официальными лидерами лейбористского движения Эттли, Моррисоном, Морган Филипсом и др. использовали партийный и профсоюзный аппарат, для того чтобы изгонять из рабочих организаций активных сторонников создания общенародного единства во имя «защиты»

⁶⁹ «Trial...». Т. IX, стр. 460.

⁷⁰ Там же, стр. 489.

⁷¹ «Документы и материалы» Т. II, № 29, стр. 227

демократии и мира. Политика лейбористской верхушки представляла точную иллюстрацию слов, сказанных В. И. Лениным на 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала, а именно, что английская лейбористская партия — это «насквозь буржуазная партия, ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии»⁷².

Больше всего и пуще всего боялись они создания народного фронта против империалистов. «Можно было бы нанести поражение правительству политикой крайней агрессии (развёртыванием всенародного античемберленовского движения.— А. Н.),— писал «Дейли геральд» ещё в январе 1939 г.,— но такой результат был бы неприемлем, поскольку было бы опасно (!) получить бразды правления посредством использования народного раздражения и недовольства»⁷³.

Лейбористское руководство не хотело свержения чемберленовской клики, ибо, играя роль агенты монополистического капитала в рабочем движении, оно поддерживало под флагом заботы о сохранении мира политику сотрудничества и сообщничества с германскими магнатами промышленности и финансов. Бевин, столп реакционного руководства лейбористской партии, открыто выступал за сотрудничество с германским монополистическим капиталом в мировом масштабе, одобряя, таким способом, тайные переговоры приближённых Чемберлена с немецкими агентами.

На Саутпортской конференции лейбористской партии, происходившей в конце мая 1939 г., центральное место занимал доклад Бевина о плане создания «мирового фонда (пуллинг) колониальных территорий», из которого могли бы черпать рабскую рабочую силу и нужное им стратегическое сырьё монополисты Германии, Италии и Японии. Настоящим фашистским салютом звучали заключительные слова его доклада, призывавшие, «вместо того чтобы поносить наших друзей (!) в Центральной Европе и Японии, предложить им нечто лучшее, чем война могла бы им дать»⁷⁴. Особенно предательским было в этот момент переговоров с Советским Союзом его заявление: «Всё говорим о военных пактах, надо предоставить шансы и для мира». Это было как раз язык передовиц «Таймс». Вот почему отнюдь нельзя считать случайным то, что к тайным переговорам с гитлеровским поверенным в делах советником германского посольства Кордтом был привлечён как раз Роден Бэкстон, один из наиболее осведомлённых в вопросах внешней политики членов лейбористской партии.

Игра лейбористского руководства в «оппозицию» как раз вполне соответствовала видам и планам чемберленовской клики. Сугубо предательскую роль играл в этом смысле лейбористский пропагандистский аппарат, и в первую очередь лейбористская печать. Разоблачая изменническую деятельность лейбористских журналистов, лакеев капиталистических монополий, коммунистический журнал «Лейбор мансли» писал в июле 1939 г.: «Именно левая официальная «оппозиция» восстановила доверие к этому правительству, столь дискредитированному после мюнхенского разоблачения. Начиная с тех дней марта, когда был провозглашён поворот, она действовала как эхо политики правительства. Не веря официальным органам виновников Мюнхена, массы верят левым газетам, мнимым критикам правительства. Таков механизм британской машины пропаганды. В этом механизме официальное лейбористское руководство и «Дейли геральд» выполняют свою гнусную роль, действуя как рекламный агент правительственной политики, и таким образом прикрывают его действительные цели и дезорганизуют оппозицию»⁷⁵.

⁷² Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 365. 3-е изд.

⁷³ «Daily Herald» от 12 января 1939 года.

⁷⁴ «Times» от 31 мая 1939 года.

⁷⁵ «Labour Monthly», июль 1939 года.

Публичные выступления лейбористских лидеров отличались тем же незуитским фарисейством. Они как будто выступали против правительства Чемберлена, но эти выступления носили такой характер, что фактически прикрывали его политику. Они не разоблачали Чемберлена, не вскрывали те нити, которые тянулись от правительства к его закулисным вдохновителям, а, наоборот, внушали народным массам мысль, что опасная для английского народа политика Чемберлена носит якобы случайный характер, что он, «несомненно, извлечёт уроки из своих мюнхенских ошибок».

Лейбористские лидеры помогали Чемберлену сеять в народе опасные иллюзии насчёт возможности умирствования фашистских агрессоров. Образчиком этой политики может служить речь Артура Гринвуда 3 апреля 1939 г. в палате общин. Несмотря на то, что он знал настоящую правду, или именно потому, что он её знал, лейбористский лидер позволил себе заявить: «У нас нет оснований думать, что эта надежда (остановить агрессоров.— А. Н.) не осуществляется... Семена, которые содержались в заявлении премьер-министра, могут, если их укрепить и культивировать, принести богатые плоды... Если премьер доведёт дело до успешного конца, то его голова покроется лаврами победы. Оппозиция не будет недовольна»⁷⁶.

Тон лидера лейбористской парламентской группы был столь доброжелателен, что он сам счёл нужным оговориться: пусть-де правительство не думает, что лейбористы уже окончательно входят в правительственное большинство.

В таком же тоне дружелюбного упрека были выдержаны выступления лейбористских депутатов на заседании палаты общин 12 апреля. В речи Дальтона, например, звучал тот же дружественный тон, то же выражение надежды или уверенности, что «национальное» правительство сумеет преодолеть «свою прежнюю философию о задачах дипломатии, своё прежнее умонастроение» и что оно построит «неприступное, опутанное колючей проволокой ограждение»⁷⁷. Дальтон главным образом был озабочен тем, как бы представить Невилля Чемберлена, этого иступлённого тора, которого поставила у власти самая реакционная часть английской буржуазии, безобидным, исполненным добрых намерений, но заблуждающимся старым джентльменом.

Эта манера представлять Чемберлена малосмыслящим, но искренним сторонником мира была характерна для всей лейбористской пропаганды в роковые месяцы 1939 года. Типичным можно считать выступление Нозль-Бейкера, лейбористского специалиста по вопросам внешней политики, на конференции в Саутпорте. «Умирствование,— кричал он,— это не политика, а опасное патологическое явление!»⁷⁸.

«Запросы», которые делались лейбористами в палате общин, были не менее безобидны. Лейбористский член палаты спрашивал премьера в прилично-салонном тоне, а Чемберлен или Батлер отвечали то, что им взбрédёт в голову, порою прямо издевательски, или вовсе не отвечали. В народе же создавалась иллюзия, будто лейбористские лидеры стоят на страже его интересов и интересов всеобщего мира. Этот метод мнимой критики носил особенно зловредный характер в выступлениях, касавшихся переговоров с Советским Союзом, так как линия, проводившаяся всей силой профсоюзного и партийного аппарата лейбористов и спасающая правительство Чемберлена в самые критические моменты его существования, давала ему возможность продолжать свою политику сговора с фашистской «осью».

Лейбористы, выступавшие в роли чемберленовской стражи, охраняющей тыл правительства, несли наряду с ним ответственность за политику

⁷⁶ «Times» от 4 апреля 1939 года.

⁷⁷ «Parliamentary debates». Vol. 346, ctm. 130.

⁷⁸ «Times» от 31 мая 1939 года.

сговора с агрессивными фашистскими державами, политику, имевшую столь роковые последствия для человечества.

Другим фактором, облегчавшим правительству Чемберлена его двойную игру, была позиция правящих кругов США, фактически поддерживавших чемберленовский внешнеполитический курс. В недавно вышедших мемуарах бывшего государственного секретаря Соединённых Штатов Корделла Хэлла усиленно внушается читателю мысль, будто правящие круги США вели последовательную борьбу против фашистских агрессоров. Но достаточно внимательно прочитать в книгу того же Хэлла, чтобы убедиться в том, что реальная политика США была направлена на поддержку англо-французских планов «умиротворения» агрессора.

16 апреля 1938 г. было подписано англо-итальянское соглашение, по которому Великобритания признала де юре захват Италией Абиссинии и дала свою санкцию на итальянскую интервенцию в Испании. Как отнеслось правительство США к этому акту? По просьбе английского министра иностранных дел Галифакса президент США выступил 19 апреля с заявлением, в котором фактически одобрил англо-итальянское соглашение. Хэлл говорит в своих мемуарах, что «президент и Уэллес (помощник государственного секретаря.— А. Н.) верили, что Британия не отступила и ей должна быть оказана моральная поддержка»⁷⁹. Таким образом, правительство США солидаризировалось с политикой «умиротворения» и «невмешательства», проводившейся правительством Чемберлена.

В разгар сентябрьского кризиса 1938 г., когда Чемберлен и Даладьё предавали чехословацкий народ в руки Гитлера, государственный секретарь Хэлл убеждал германского посла в Вашингтоне Дикгофа, что если гитлеровцы откажутся от крайних методов и «примут нашу либеральную торговую политику», то в отношении гитлеровской Германии произойдёт изменение «гораздо быстрее, чем это представляют себе германские должностные лица»⁸⁰. В этом случае, объяснял Хэлл Дикгофу, германская промышленность получит кредиты, с помощью которых будет расплачиваться за сырьё. Бросается в глаза удивительное сходство этих речей с вышеупомянутой беседой Галифакса с германским послом в Лондоне Дирксеном 9 августа 1939 г., во время которой английский министр иностранных дел подчёркивал, что если в отношениях с Германией «лёд будет однажды сломан», то англичане пойдут очень далеко.

В конце марта 1939 г. итало-германские интервенты, пользуясь поддержкой правительств Англии и Франции, потопили в море крови героическую Испанскую республику. Не прошло и двух дней после вступления франкистских войск в Мадрид, как правительство США признало Франко де юре (1 апреля 1939 г.).

Правительству США было за много недель вперёд известно о готовящемся нападении Италии на Албанию. «В течение нескольких недель,— пишет Хэлл,— мы получали каблограммы из Рима, Белграда, Тираны, Парижа и Лондона, касающиеся зловещих намерений Муссолини в отношении Албании»⁸¹.

Что же предприняло правительство США? Пыталось ли оно предотвратить новый злодейский акт фашистов? Как известно, ничего не было предпринято. 7 апреля Италия напала на Албанию и захватила её.

Таковы факты, уже давно известные нам. Но есть ещё и другие, о которых пока можно только догадываться. Вызывает естественное удивление, что бывший государственный секретарь США в своих мемуарах ни словом не обмолвился об англо-франко-советских военных переговорах летом 1939 года. Хэлл обходит полным молчанием позицию США в этом вопросе. Однако известно, что в это время в Лондоне и Париже посты послов США занимали Кеннеди, открыто одобрявший

⁷⁹ Cordell Hull. Memoirs. Vol. I, p. 581. New York. 1948.

⁸⁰ Там же, стр. 594.

⁸¹ Там же, стр. 618.

мюнхенский курс Чемберлена, и Буллит, злостный интриган и враг Советского Союза, который в течение многих лет выступал за сговор с гитлеровской Германией против СССР. Известно также, что пресловутый гитлеровский агент Чарльз Линдберг наводнял своей «информацией» государственный департамент.

Такая расстановка дипломатических сил государственного департамента не могла не поощрять антисоветские устремления и планы кабинетов Чемберлена и Даладьё, фактически помогать им проводить политику сговора с агрессорами.

Несмотря на сообщения из Лондона о переговорах Вольтата и Хадсона, советское правительство решило предпринять ещё одну попытку добиться соглашения с Англией.

28 июля В. М. Молотов вновь принял англо-французских представителей. Он предложил начать немедленные переговоры о заключении военной конвенции, высказав мнение, что в ходе этих переговоров политические затруднения удастся преодолеть. Правительства Англии и Франции вынуждены были согласиться с этим предложением, и немедленно вслед за тем их методы саботажа получили новое применение.

На этой заключительной стадии антисоветской дипломатической игры Чемберлена и Даладьё они не гнушались любыми средствами, чтобы не допустить заключения предложенной военной конвенции. Посланная Англией военная миссия состояла из некомпетентных людей, мало смыслящих в тех важных военно-стратегических вопросах, которые надлежало решить на военно-политических совещаниях в Москве. Вдобавок уже во время совещаний в Москве выяснилось, что посланные военные миссии не обладают нужными полномочиями, чтобы подписать соглашение. Оказалось, что они вообще не привезли с собой реальных предложений, которые могли бы быть положены в основу решений о будущем сотрудничестве с военными силами Советского Союза.

О том, что этот саботаж был организован преднамеренно и вполне сознательно, свидетельствует, между прочим, донесение Дирксена германскому министерству иностранных дел от 1 августа 1939 года. «К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, или вернее благодаря этому,— пишет Дирксен,— здесь относятся скептически... Это свидетельствует о том, что военная миссия имеет скорее задачей установить боеспособность советской армии, чем заключить оперативное соглашение»⁸².

Основой разногласий, приведших в конечном счёте к срыву переговоров о заключении военной конвенции, явилась, как известно, позиция Польши, отказавшейся принять военную помощь со стороны Советского Союза и отклонившей даже предложение послать своего представителя для участия в военных переговорах. Чем объяснить подобное самоубийственное упорство тогдашних польских правящих кругов перед лицом нависшей непосредственно угрозы гитлеровского вторжения?

Из мемуаров бывшего французского посла в Варшаве Леона Ноэля мы узнаём, что французский военный атташе в Варшаве генерал Мюссе получил от Даладьё инструкции уговорить Рыдз-Смиглы согласиться на военное сотрудничество с СССР. При этом французский «нажим» был таков, что польский диктатор имел полную возможность безнаказанно отвергнуть предлагаемое «сотрудничество». Более того: глава французской военной миссии в Москве генерал Думенк перед отъездом из Парижа был даже предупреждён, что он должен попытаться «не допустить постановки этого вопроса русскими»⁸³. Бывший французский премьер-министр Даладьё, пытаясь снять с себя ответственность за срыв переговоров, выступил 18 июля 1946 г. во французском Национальном собрании с речью, в которой, замечая следы, дал свою интерпретацию переговорам.

⁸² «Документы и материалы». Т. II, № 21, стр. 117.

⁸³ Léon Noël. L'agression allemande contre la Pologne, p. 422—423. Paris. 1946.

С ответом на страницах польского эмигрантского журнала в Лондоне 26 ноября 1946 г. выступил бывший польский посол в Париже Лукасевич. По словам Лукасевича, 16 августа Бонне попросил передать Беку о требовании советской делегации. Лукасевич сообщает следующее: «Передавая мне вышеизложенное, Бонне пытался убедить нас, но скорее неуверенно, принять советские требования». И далее: «Из того, что сказал мне Бонне, я не получил впечатления, что он рассчитывает на наше согласие». Ответ Бека, переданный Лукасевичу 18 августа, гласил, что он не будет входить в обсуждение вопроса до тех пор, пока не будет запрошен советским правительством. Лукасевич позднее узнал, что этот ответ Бека никогда не был сообщён правительству СССР. 19 августа, согласно сообщению Ноэля, Бек ещё раз отверг предложение СССР, заявив, что «мы не имеем и не желаем иметь военное соглашение с СССР». В той же своей речи 1946 г. Даладьё утверждал, что утром 22 августа он в ультимативной форме потребовал принятия Польшей советского требования, пригрозив, что если не будет немедленного согласия Варшавы, то он соберёт кабинет с целью пересмотра франко-польского союза. Лукасевич категорически отвергает это утверждение. «Я должен заявить, — пишет он, — что ни эта, ни подобная беседа не имели места между премьером Даладьё и мною». Так в пылу полемики Даладьё — Лукасевича была разоблачена действительная политика французского правительства, направленная к срыву московских переговоров (подробно см. *Natiég. Diplomatic prélude 1938—39. London. 1948*). Уже в момент полного краха англо-французской двуручнической политики 22 августа, глава французской военной миссии в Москве ген. Думенк предпринял новый манёвр, имевший целью ввести в заблуждение советскую делегацию и вновь оттянуть время, необходимое правительствам Чемберлена и Даладьё для продолжения их двойной игры. По поручению французского правительства, Думенк, как пишет Бонне, «заявил советской делегации, что Франция даёт гарантии за Польшу, что русские войска могут пройти через Вильно. Однако, как вынужден «вспомнить» Бонне, «маршал Ворошилов напомнил, что Польша является суверенным государством и что Франция не может брать на себя обязательства от её имени»⁸⁴.

Разоблачая позицию Англии и Франции в связи с разногласиями по вопросу о пропуске советских войск через польскую территорию, В. М. Молотов говорил: «С одной стороны, Англия и Франция требовали от СССР военной помощи против агрессии для Польши. СССР, как известно, был готов пойти этому навстречу при условии получения соответствующей помощи для себя от Англии и Франции. С другой стороны, те же Англия и Франция тут же выпускали на сцену Польшу, которая решительно отказывалась от военной помощи со стороны СССР»⁸⁵.

Что Англия и Франция не желали соглашения с СССР, не хотели брать на себя определённых обязательств, подтверждается и директивами, которые были даны английской военной миссии.

В германских архивах, захваченных в качестве трофеев Советской Армией, оказались (в переводе) директивы, которые были даны английской военной миссии. В § 15 этих директив прямо указывалось, что «британскому правительству представляется нежелательным брать на себя какое-либо определённое обязательство, могущее связать нам руки»⁸⁶.

Выполняя это указание своего правительства, английская военная миссия в Москве стремилась подменить конкретные предложения общими фразами, прибегала ко всевозможным уловкам и оговоркам, чтобы превратить военную конвенцию в набор пустых, ни к чему не обязывающих фраз.

⁸⁴ Bonnet Georges. Défense de la paix. Fin d'une Europe, p. 285. Genève. 1948.

⁸⁵ «Известия» от 1 сентября 1939 года.

⁸⁶ В. Хвостов. Мировая печать об «Исторической справке» Совинформбюро. «Большевик» № 8 за 1948 год, стр. 47.

Известно, что советская делегация заявила в ходе переговоров, что СССР готов выставить на фронт против агрессора 136 дивизий, 5 тыс. средних и тяжёлых орудий, до 10 тыс. танков и танкеток, свыше 5 тыс. боевых самолётов и т. д. В то же время англичане заявили, что смогут выставить 5 пехотных и 1 механизированную дивизии⁸⁷. Этот факт также говорил о нежелании правительства Чемберлена заключить с СССР союз против агрессии.

Переговоры с СССР были для английского правительства лишь ширмой, за которой, как мы видели, оно вело секретные переговоры с Германией. Напомним, что Галифакс обещал 19 августа дать ответ Далерусу о встрече английских представителей с германскими. С другой стороны, правительства Англии и Франции при помощи переговоров с СССР хотели обмануть широкие массы своих народов, укрепить политический тыл в предстоящей антисоветской войне.

Правительство Советского Союза, окончательно удостоверившись в коварных замыслах правящих кругов западных держав, решило прежде всего позаботиться о безопасности народов СССР. В это время Германия предложила Советскому Союзу после успешного завершения торговых переговоров (22 июля — 19 августа 1939 г.) заключить договор о ненападении. Советское правительство приняло это предложение, разрушив тем самым расчёты англо-французских правящих кругов. «Было бы грубой клеветой утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, СССР всё время стремился к тому, чтобы иметь соглашение с западными неагрессивными государствами против немецко-итальянских агрессоров в целях осуществления коллективной безопасности на началах равенства. Но соглашение есть обоюдный акт. Если СССР добивался соглашения о борьбе с агрессией, то Англия и Франция систематически отвергали его, предпочитая вести политику изоляции СССР, политику уступок агрессорам, политику направления агрессии на Восток, против СССР. Соединённые Штаты Америки не только не противодействовали такой пагубной политике, а, наоборот, всячески поддерживали её. Что касается американских миллиардеров, то они продолжали вкладывать свои капиталы в немецкую тяжёлую промышленность, помогали немцам развернуть свою военную промышленность и вооружали, таким образом, немецкую агрессию, как бы приговаривая: «воюйте, господа европейцы, на здоровье, войдите с божьей помощью, а мы, скромные американские миллиардеры, будем наживаться на вашей войне, зашибая сотни миллионов долларов сверхприбылей». Понятно, что при таком положении дел в Европе Советскому Союзу оставался один выход: принять предложение немцев о пакте. Это был всё же лучший выход из всех возможных выходов»⁸⁸.

«Что выиграли мы, — говорил товарищ Сталин 3 июля 1941 г., — заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможности подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии»⁸⁹.

Как отмечается в Исторической справке «Фальсификаторы истории», «этот шаг Советского Правительства в огромной степени предопределил благоприятный для Советского Союза и для всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны»⁹⁰.

Так двойная игра правительства Чемберлена и его французского партнёра Даладьё, действовавших с одобрения правящих кругов США,

⁸⁷ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 48.

⁸⁸ Там же, стр. 53—54.

⁸⁹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 11.

⁹⁰ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 53.

окончилась провалом. Английская дипломатия сама попала в яму, которую она с такой тщательностью, последовательностью и упорством копала для Советского Союза.

Англо-франко-советские переговоры показали, что только правительство Советского Союза искренне и настойчиво добивалось создания блока миролюбивых государств против агрессии; только правительство Советского Союза предлагало и соглашалось взять на себя обязательства, которые могли привести к ответственному соглашению против гитлеровских захватнических замыслов;

правительство Англии (как и Франции) не стремилось к соглашению с СССР. Переговоры, которые оно вело, имели целью обмануть, ввести в заблуждение свои народы, требовавшие незамедлительного принятия действительных мер, чтобы остановить агрессию Германии;

английское правительство хотело использовать переговоры с СССР как козырь в секретных переговорах с Гитлером о союзе против Советской страны;

мюнхенцы, стоявшие у кормила правления в Англии и Франции, стремились в ходе переговоров показать Гитлеру, «что у СССР нет союзников, что СССР изолирован, что Гитлер может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны Англии и Франции»⁹¹;

двойная игра правящих кругов Великобритании облегчалась предательской позицией английских лейбористов и поддержкой правительства США, которая позволила правительству Чемберлена спокойно проводить свою политику сговора с агрессивными державами для развязывания антисоветской войны;

политика английского, французского и польского (панского) правительств была враждебной интересам всеобщего мира и предательской по отношению к жизненным интересам английского, французского и польского народов;

отвергнув соглашение с СССР, правительства Англии и Франции тем самым содействовали развязыванию войны в Европе;

правительство СССР, разгадав двойную игру англо-французской дипломатии и сорвав её, оказало неоценимую услугу человечеству, предопределив победу демократии и разгром фашизма в ходе второй мировой войны.

⁹¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 49.